

2.3. Обострение борьбы за власть

2.3.1. Реформа управления промышленностью и строительством

Сталин оставил своим наследникам огромную империю, соперничавшую за мировое влияние с другой сверхдержавой – Соединенными Штатами Америки. СССР, конечно, был во много раз беднее, но превосходил своего соперника по территории и населению, численности вооруженных сил и обычного вооружения. Военно-промышленный комплекс являлся сердцевиной, ядром всего его народного хозяйства. И управлялся он, как и вся экономическая и социальная жизнь страны, из единого центра. Президиум партийного ЦК устанавливал приоритеты, определял цели и задания, выделял средства для их выполнения и назначал конкретных исполнителей в лице министерств и других центральных ведомств, с которых потом и спрашивал, как они справляются с выполнением возложенных на них обязанностей. По мере роста масштабов индустрии и строительства росло и число исполнителей. В середине 50-х годов в правительстве СССР насчитывалось уже 52 министра, отвечавших за управление теми или иными отраслями. Чрезмерная громоздкость и все возрастающая малоэффективность этой

системы становилась все очевиднее.

Уже после смерти Сталина, в 1954 г. в 46 союзных министерствах и ведомствах упразднили 200 главных управлений и отделов, а также 147 подчиненных им трестов. На Украине создали министерства угольной промышленности и черной металлургии, в Азербайджане – министерство нефтяной промышленности, в Казахстане – министерство цветной металлургии. Из союзного в республиканское подчинение начали передавать около 15000 предприятий, главным образом небольших и сугубо местного значения {821}. На пленуме ЦК КПСС в июле следующего года немало говорилось о вредности ведомственного подхода к управлению промышленностью и строительством. Приводились и такие примеры, когда одно министерство везло кирпич для своих нужд в Москву из Владивостока, а другое – точно такой же кирпич во Владивосток из Подмоскovie. И в связи с этим высказывались идеи не только о необходимости изменить структуру промышленности, приблизить ее к источникам сырья и топлива, но и о целесообразности перенесения главков на места {822}.

Таким образом, необходимость перемен стала признаваться открыто. Правда, о переходе от административных методов управления к экономическим и речи не было. Но стало очевидным, что одному центру все тяжелее справляться с все возрастающими масштабами народного хозяйства. Тогда же начали искать новые формы и методы управления. В столице 53 строительных и монтажных треста, а также 255 строительных и монтажных управлений различной ведомственной принадлежности объединили под началом Главмосстроя. Затем такое же укрупнение строительных организаций по предложению Хрущева провели в Ленинграде и Киеве. Более 4,5 тысяч автобаз и гаражей объединил Главмосавтотранс. Количественные и качественные показатели им планировались из центра, сами же они осуществляли оперативное руководство, отвечая не только перед центром, но и местной властью.

Было бы ошибочно полагать, что эти местные главки создавались легко и безболезненно. Первый секретарь Московского горкома КПСС Е.А. Фурцева признавала позднее, что пришлось тогда преодолевать сопротивление «со стороны работников министерств и ведомств, которые считали, что москвичам непосильно будет осуществлять руководство таким крупным хозяйством» {823}. А вот руководителям Московской области так и не удалось реализовать свое предложение о ликвидации 330 мелких автохозяйств и передаче 57 других из рук ведомств в систему общего пользования. 24 министра оказались трогательно едиными в нежелании отдать кому-то «свои» машины {824}. По той же причине в 287 подрядных трестах 36 министерств оставалось распыленным строительство жилья и культурных учреждений Московской области {825}.

Об особой хозяйственной политике ведомств, «идущей вразрез с потребностями и нуждами технического прогресса», шла речь и на XX съезде КПСС в феврале 1956 г. В то же время, оценивая работу республиканских министерств, Хрущев говорил:

– Этот опыт себя оправдал: руководство предприятиями стало конкретнее, оперативнее {826}.

Месяц спустя ЦК КПСС должен был рассмотреть отчет Главмосстроя о его работе. Он показался весьма убедительным: все подразделения, ранее работавшие убыточно, стали рентабельными. 16 марта Хрущев подписывает постановление, обязывающее партийных и советских руководителей в республиках, министров и руководителей ведомств «тщательно изучить» опыт Главмосстроя и «обеспечить его широкое распространение» {827}. Началась очередная кампания критики недостатков и бюрократизма. Обычно такие идеологические кампании сопровождались немалым словоблудием и вскоре выдыхались.

Но на сей раз этого не произошло. Дискредитация практики отраслевых министерств в печати нарастала.

Параллельно Хрущев повел пропаганду своих взглядов и намерения ликвидировать отраслевые союзные министерства среди соратников и коллег. И сразу натолкнулся на «непонимание». Так, заместитель председателя Совета министров СССР И.Т. Тевосян назвал это намерение «ошибкой», а на другой день в подкрепление своих слов послал Никите Сергеевичу записку, в которой изложил свои аргументы против предполагаемой реорганизации: она приведет лишь к отраслевой разобщенности и нанесет ущерб единой технической политике. И что же Хрущев? Почувствовав в Тевосяне непреклонного противника

своих замыслов, он настоял на том, чтобы того отправили послом в Японию {828}.

Это случилось уже в декабре 1956 г. Одновременно с «нажатием на тормоза» в духовной сфере Президиум ЦК КПСС в это время был озабочен пересмотром контрольных цифр по 6-му пятилетнему плану развития народного хозяйства на 1956-1960 гг. Необходимость корректировки и даже пересмотра пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1956-1960 гг. Хрущев объяснял на пленуме ЦК КПСС в декабре 1956 г. тем, что потребовалось выделить больше средств на жилищное строительство, а необходимые для этого средства можно получить только за счет уменьшения вложений в тяжелую промышленность.

– Конечно, никто не думает о том, что мы предаем забвению главное в нашем развитии – развитие тяжелой промышленности, – особо оговаривался он. – И в дальнейшем мы должны эту генеральную линию нашей партии проводить. Но проводить ее надо разумно. Надо учитывать реальные возможности, чтобы подтягивать все отрасли народного хозяйства. И сейчас стоит вопрос о подтягивании промышленности, производящей средства потребления... Пушки-то мы делаем из металла, но делают их и управляют ими люди {829}.

Выступившие на этом пленуме с докладами председатель Совета министров Н. Булганин, его первый заместитель, председатель Госэкономкомиссии Максим Сабуров и председатель Госплана Николай Байбаков подвергли критике управление промышленностью, особо отмечая слабую связь центральных органов с их управленческими подразделениями на местах и с отдельными предприятиями. Наиболее резко критиковались плановые органы и отраслевые министерства. Последние, судя по репликам Хрущева, пользовались особой его нелюбовью и, казалось бы, были уже обречены на ликвидацию.

– У нас министры опытные и знающие дело, заместители председателя Совета министров – также опытные политические деятели, и многие из них опытные специалисты. Но как же при этой нашей политической опытности, экономической и технической грамотности не туда наш воз идет, куда мы хотим? Почему он непослушен? {830} И продолжил:

– Если так дальше будет продолжаться, мы действительно дойдем до точки. Поэтому надо сейчас перестроиться {831}.

В каком направлении надо перестраиваться, он не сказал, но дал понять, отчего, может быть, следовало бы отказаться:

– Заводы мы распределили по министерствам, и сейчас это настолько запутало хозяйство Советского Союза, что мы терпим огромные убытки {832}.

Однако сопротивление этому намерению в Президиуме ЦК со стороны Молотова, Маленкова, Кагановича, Первухина и того же Сабурова оказалось настолько упорным, что первый секретарь ЦК вынужден был отступить и пойти на компромисс. В результате меры по устранению «излишней централизации в руководстве экономикой», намеченные на пленуме, свелись лишь к идее об организации планирования по экономическим районам и к возложению функций по оперативному решению текущих вопросов планирования на Госэкономкомиссию, во главе которой поставлен Первухин {833}.

Но проходит всего один месяц, и 28 января 1957 г. Хрущев направляет в Президиум ЦК записку, в которой излагал «Некоторые соображения об улучшении организации руководства промышленностью и строительством». Не особо полагаясь на то, что его коллеги по коллективному руководству так вот просто согласятся с этими соображениями, он настоял на том, чтобы записку разослали всем членам и кандидатам в члены ЦК, членам Центральной ревизионной комиссии, секретарям республиканских, краевых и областных партийных комитетов, министрам СССР и заведующим отделами ЦК {834}. Для разработки мероприятий, о которых в записке шла речь, создали комиссию под председательством самого Хрущева. В нее вошли большинство членов Президиума ЦК и секретарей ЦК, секретари многих региональных партийных организаций, министры, директора некоторых предприятий. Так что вопрос готовила довольно «большая группа товарищей». Но наиболее заметную активность проявляли бывший помощник Хрущева И.И. Кузьмин, председатель Госплана Н.К. Байбаков, заведующий отделом машиностроительной промышленности ЦК А.П. Рудаков, главный редактор газеты «Правда» П.А. Сатюков, начальник Центрального статистического управления В. Старовский. Принимали участие секретари ЦК А.Б. Аристов и Л.И. Брежнев, а также заместитель председателя Госэконом комиссии А.Н. Косыгин и министр финансов А.Г. Зверев {835}. Как

видим, среди них не оказалось ни одного члена Президиума ЦК кроме, естественно, самого Хрущева, и ни одного отраслевого министра. Чтобы привлечь последних если не к разработке, то к формальному одобрению готовящегося проекта, пришлось прибегнуть к особым мерам. «Мы даже провели, – вспоминал полгода спустя Хрущев, – специальное расширенное заседание Совета министров, где вместе со всеми министрами подробно обсудили этот вопрос»{836}.

Своими сомнениями поделился его тогдашний любимчик – кандидат в члены Президиума и секретарь ЦК Д.Т. Шепилов. «Мы с ним сидели два часа, – рассказывал позже Хрущев. – Он принес мне свою схему, где были показаны связи Горьковского автомобильного завода с другими предприятиями страны». И связи эти с поставщиками комплектующих и материалов были, как правило, внутриведомственными. Не нарушит ли ликвидация министерств эти связи? Хрущев отмахнулся, назвав показанную ему схему «паутиной», а ее автора сравнил с мухой, в нее попавшую.

– Когда мы реорганизуем управление промышленностью, – заверил он, – будет расти разумная кооперация предприятий, а все глупые, ненужные предприятия отпадут. Дайте людям возможность навести порядок!{837}

И вот пленум ЦК КПСС 13-14 февраля заслушал и обсудил доклад Хрущева о «дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством». В докладе констатировалось, что перестройка работы Совета министров ограничилась только расширением функций Госэкономкомиссии и не затронула основы руководства производством. Чтобы улучшить это руководство, необходимо решить вопрос: «идти ли дальше по линии еще большего дробления технического, экономического и административного руководства, создавая в центре все новые и новые отраслевые министерства и ведомства, или иметь более эффективные формы управления хозяйством». Эти формы Хрущев видел в том, чтобы «управление промышленностью и строительством организовать по экономическим районам»{838}.

В прениях по докладу выступило 27 человек. В их числе были секретари ЦК, министры, местные руководители. И все они одобрили предлагаемую реформу. Один из них, Байбаков, вспоминал впоследствии о своем выступлении на этом пленуме: «Я, правда, уже не спорил против ликвидации министерств, понял, что вопрос предрешен. Но возразил в связи с намеченным созданием совнархозов в границах каждой области. Если уж создавать совнархозы, – сказал я с трибуны пленума, – то крупные, региональные, такие, как, например, Уральский, Северо-Кавказский и др. Такие совнархозы смогут самостоятельно решать многие текущие и перспективные задачи»{839}.

Первый секретарь Грузинского ЦК В. Мжаванадзе уже после пленума спросил Хрущева:

– Никита Сергеевич, почему ни один из членов Президиума ЦК не выступил? Не обязательно, чтобы все, но такой человек, как председатель Совета министров, мог бы. Ведь предполагается такая крупная перестройка...

К сожалению, он не сообщил, каков был ответ Хрущева на его вопрос{840}.

Между тем в кулуарах пленума разгорелись страсти: одни высказывались против, другие проявляли колебания. Да и сам Хрущев признавал позже, что на этом пленуме «разгорелись ненужные страсти» и «начались кулуарные разговоры»{841}.

Итак, принципиальное решение о перестройке управления промышленностью и строительством было принято. Конкретные же предложения, как ее лучше провести, предстояло обсудить на сессии Верховного Совета, предварительно опубликовав тезисы доклада Хрущева и вынеся их на «всенародное обсуждение»{842}.

В силу каких причин члены Президиума ЦК не выступали на пленуме, можно только предполагать. Правда, с достаточной долей уверенности. Сор из избы у них не принято было выносить. Сталин их от этого отучил. Но, как признавал чуть позже А.И. Микоян, атмосфера стала ухудшаться, заметно было невысказанное недовольство со стороны некоторых членов Президиума, отмечалось несогласие, чувствовалось, что некоторыми не все полностью сказано. «Такая атмосфера... отравляла обстановку»{843}. Это видели и другие, кому приходилось бывать тогда в Президиуме ЦК. Так, на заместителя министра внешней торговли Н.С. Патоличева, присутствовавшего на заседании Президиума ЦК 15 февраля при обсуждении вопросов, связанных с предстоящим прибытием болгарской правительственной делегации, все

виденное там произвело очень тяжелое впечатление. «Об этом я ни с кем не делился, ни о чем не догадывался. Правда, мне тов. Козлов давал понять, подмигивал, я чувствовал, что он на что-то намекает, что-то хочет сказать»{844}.

Первый секретарь ЦК КП Карело-Финской ССР Л.И. Лубенников еще во время пленума ЦК слышал в Москве разговоры о якобы предстоящих переменах на самом верху, что Молотов идет первым секретарем ЦК, а Хрущев – министром сельского хозяйства. А когда вернулся домой в Петрозаводск, ему докладывают, что и сюда дошли такие же слухи.

– Язык вырву! Это провокация! – ответил он.

Потом, на следующем пленуме ЦК он будет говорить, что «эти провокационные слухи шли из Москвы, по всей вероятности, от заговорщической группы»{845}.

Верить в такое трудно. Очевидно, слухи эти отражали не столько обнаружившиеся разногласия между руководителями партии и страны, сколько определенные разочарования в обществе, перемены в его настроениях, падение авторитета Хрущева и вполне естественное для менталитета многих людей обращение надежд к другому, тем более что этот другой, по их мнению, уже не раз был несправедливо обойден при распределении власти и даже обижен своими соперниками. Именно тогда в печати появилось тут же взятое на заметку в ЦК КПСС стихотворение ленинградского поэта М.Л. Сазонова, в котором содержался такой призыв: «Не верь, как прежде, только запевалам, народу верь, мой друг, народу верь!»{846}.

Но слухи эти могли питаться и из других источников. В феврале для оказания помощи смертельно больному первому заместителю председателя Госэкономкомиссии В.А. Малышеву из-за рубежа был вызван врач, по поводу чего в западной прессе стали выдвигаться разные догадки. 4 февраля американская газета «Daily News» сообщала, что несколько недель назад разведывательные органы узнали о развернувшейся в Кремле борьбе за власть, в ходе которой Каганович и Молотов стремятся перетасовать главные посты в Политбюро, и что, возможно, им удастся перетянуть на свою сторону Жукова{847}. На то, что слухи о предстоящей замене Хрущева Молотовым давно муссируются в Москве, указывал и министр культуры Н.А. Михайлов{848}.

Распространению такого рода слухов способствовала отставка Д.Т. Шепилова с поста министра иностранных дел, который этот любимец и выдвиженец Хрущева совсем недавно занял вместо Молотова. Причиной отставки было недовольство Хрущева тем, как он выполнял директивные указания Президиума ЦК во время Суэцкого кризиса{849}. Но об этом мало кто знал. Потому многие и делали вывод, что позиции первого секретаря ЦК КПСС слабеют и что он начинает уже «сдавать» своих людей.

22 марта 1957 г. Президиум ЦК обсудил проект тезисов Хрущева о реорганизации управления промышленностью и строительством и решил разослать его руководителям министерств, комитетов и ведомств{850}. Однако молчавший на этом заседании Молотов уже 24 марта направил в Президиум ЦК записку, в которой указывал на то, что проект тезисов «явно недоработан, страдает однобокостью и без существенных исправлений может внести серьезные затруднения в аппарат управления», и потому предлагал продолжить его доработку{851}.

27 марта Президиум ЦК без изменений одобрил проект и рекомендовал его опубликовать{852}. При этом целый день был потрачен на переговоры с Молотовым по этому вопросу{853}. Возражал он очень настойчиво. Не выступая активно против, ему все же явно поддакивал Первухин. А Шепилов «демагогически» вопрошал:

– А кто же будет представлять рабочий класс в Совете Министров? Ведь промышленные и строительные министерства как раз и представляют рабочий класс в правительстве. Не будет ли это нарушением диктатуры рабочего класса? Союзному правительству остается лишь сбор податей{854}.

Поддержал Молотова и Ворошилов. Но, судя по всему, не разобравшись в существе дела. Ибо уже на следующем заседании напустился на Молотова:

– Ты что все возражаешь?{855}

В конце концов, Молотов, «видя шаткость своей позиции на заседании Президиума ЦК, где обсуждался вопрос о его записке, заявил, что хочет взять назад свою записку, адресованную в ЦК КПСС»{856}.

30 марта тезисы Хрущева были опубликованы в центральной печати. В них уничтожающей критике подвергалась вся существующая система управления промышленностью и строительством с ее чрезмерно раздутыми штатами и огромным потоком бумаг, говорилось о необходимости раз и навсегда покончить с ней и заранее отвергались любые предложения сохранить, пусть и в трансформированном виде, отраслевые министерства. Их должны заменить советы народного хозяйства в крупных административно-экономических районах. Особо оговаривалось при этом, что «нет необходимости иметь совнархозы во всех областях, краях и автономных республиках, а создавать их следует там, где промышленность достаточно развита»{857}.

Вслед за этим началось «всенародное обсуждение». Оно проводилось на собраниях и митингах трудящихся. На одном из таких митингов, в Горьком выступил сам Хрущев. Характерно, что он говорил там не только и не столько о предстоящей передаче экономической власти на места, сколько о проблеме внутренних государственных займов и выплат по ним. Причем из его слов вытекало, что проблема эта уже решена и что отныне советским труженикам больше уже не придется добровольно-принудительно подписываться на эти займы. Понятно, что слушатели его с энтузиазмом внимали этому обещанию и с громкими выкриками одобрения приняли резолюцию, поддерживающую «мероприятия ЦК КПСС, высказанные первым секретарем ЦК КПСС тов. Хрущевым»{858}.

Между тем, никакого решения ЦК о подобном «мероприятии» принято не было. Были лишь одни разговоры, закончившиеся, вроде бы, договоренностью объявить на одном из московских заводов о намерении конвертировать внутренние государственные займы на 20 лет, посмотреть на реакцию, а затем обсудить в Президиуме ЦК. Вот почему реагировали коллеги Хрущева на его заявление в Горьком очень остро. Особенно негодовали Молотов и Каганович{859}. «Не обошлось при этом без боя» на заседании Президиума ЦК КПСС, где обсуждался вопрос о награждении Хрущева орденом Ленина и второй золотой медалью «Серп и молот» в связи с его 63-летием и за заслуги в разработке и осуществлении мероприятий по освоению целинных и залежных земель{860}.

Тем временем «всенародное обсуждение» хрущевских тезисов шло своим чередом. Газета «Правда» со 2 по 10 апреля опубликовала 14 полных полос с материалами этого обсуждения. Это были 93 статьи за 167 подписями и материалы из местных газет, в которых приводились высказывания 40 рабочих, а также инженерно-технических и руководящих работников.

Вопрос о целесообразности самих совнархозов публичному обсуждению не подлежал. Споры шли о сроках их создания и размерах, о характере взаимодействия с Госпланом, местными партийными организациями и советами. Правда, министр машиностроения Н.Н. Смеляков высказывал мнение, что «любая хорошая структура управления, в т.ч. и территориальная, сама по себе еще не может принести всех плодов», и потому «требует всесторонней проработки и нахождения наиболее эффективных форм». Он призывал особенно внимательно «рассмотреть возможность проявления отрицательных сторон и предупредить их». Самую большую опасность он видел в местничестве, которому подвержены бывают не только рядовые работники, но и ответственные руководители. «До сих пор с места редко выдвигают вопросы увеличения загрузки заводов, принятия дополнительных заказов после выявления резервов внутри района. Трудно припомнить хотя бы один случай отказа от каппостройства за счет лучшего использования мощностей»{861}.

В тот же день, 3 апреля секретарь ЦК КПСС Е.А. Фурцева, выступая на пленуме МГК КПСС и признав такую опасность, успокаивала аудиторию следующим контраргументом:

– Многое будет зависеть от соблюдения строгой государственной дисциплины и от тех кадров, которые будут подобраны на руководящую работу. Если они будут заражены местничеством, тогда это важное дело можно провалить{862}.

Другими словами, опасность местничества признавалась, но утверждалось, что партия с ней сможет справиться.

Опасениями местничества аргументировались и предложения создать такой орган, который бы руководил из центра работой совнархозов по всем вопросам. Подобное пожелание высказывалось на партийно-хозяйственном активе в Министерстве строительства СССР{863}. С аналогичным соображением на страницах «Правды» выступил инженер А. Демьянович. По

его мнению, высший совет народного хозяйства мог бы осуществлять текущее производственное планирование по основным видам продукции всех отраслей промышленности в разрезе экономических районов и оперативное руководство совнархозами по выполнению планов{864}. Однако предложения соединить территориальный и отраслевой принципы подверглись критике. «Такое предложение, – утверждал директор завода «Электросила» в Ленинграде Н. Шевченко, – не выдерживает критики и согласиться с ним нельзя, так как создание ВСНХ с теми функциями, которые предлагает т. Демьянович, приведет к образованию огромного сверхминистерства со своими отраслевыми управлениями»{865}.

Некоторые директора промышленных предприятий увидели в создании совнархозов первый шаг к достижению ими большей хозяйственной самостоятельности. На пленуме Молотовского обкома КПСС директор телефонного завода Кулаков, например, высказался за сокращение плановых показателей до четырех (товарная продукция в номенклатуре и рублях; общая численность персонала без дробления на ИТР, рабочих и служащих; общий фонд зарплаты и объем накоплений), закончив свое выступление словами:

– Надо директорам предприятий, наконец, дать права{866}. Надеждам этим не суждено было сбыться. Хрущев не собирался

ослаблять централизованное планирование. Реформа преследовала цель всего лишь заменить один способ оперативного управления (через министерства) другим (через региональные совнархозы). Планы производства и распределения по-прежнему должны были утверждать в центре.

– Может ли предприятие, выполнившее государственный план, расходовать материалы, в частности пиломатериалы, по своему усмотрению? – спрашивали на том же пленуме Молотовского обкома.

– Нет, не может, – последовал четкий ответ, – этот вопрос должен решать совнархоз с обязательным согласованием в Госплане{867}.

На фоне всеобщего одобрения выделялась статья директора завода «Уралмаш» в Свердловске Г.Н. Глебовского, предлагавшего «повременить» с перестройкой управления народным хозяйством, «осуществить ее менее болезненно, с постепенным созданием новых форм управления и новых производственных связей». Сначала, полагал он, можно было бы ограничиться укрупнением министерств и заменой отраслевых главков производственно-территориальными: «как пример, можно говорить о... машиностроительном главке на Урале в системе машиностроительного министерства, которое было бы создано на базе ныне существующих министерств тяжелого, транспортного, дорожного и строительного машиностроения». И только затем, после того как подобные главки достаточно окрепнут, можно будет приступить к ликвидации нынешних хозяйственных министерств и к созданию на местах советов народного хозяйства{868}. Но из 1628 писем, поступивших в течение последующей недели в «Правду», лишь в единичных из них высказывалось пожелание сохранить министерства, объединив их, как предлагал это Глебовский{869}.

Кое-кто предлагал ограничиться созданием в 1957 г. в качестве эксперимента всего нескольких совнархозов в наиболее развитых экономических регионах – таких, как Московский, Ленинградский и Свердловский, – и только в случае положительных результатов их деятельности приступить к организации совнархозов по всей стране. Такой эксперимент в 4-5 областях предлагал провести в своем письме в «Комсомольскую правду» Г.И. Эрлих из Новосибирска. Причем совнархозы, по его убеждению, должны были подчиняться областным исполкомам. Но, мало того, реорганизация управления должна дойти до заводов и фабрик, где следовало бы создать производственные советы. Для поощрения коллективов он предлагал увеличить отчисления от сверхплановых прибылей в фонд улучшения быта рабочих{870}. Аспирант Московского энергетического института А.Г. Левычев в письме в «Правду» предлагал не создавать совнархозы, а передать управление народным хозяйством в советы депутатов трудящихся{871}. Москвич М.И. Соколов вообще считал, что ликвидация отраслевых министерств приведет к организационной неразберихе{872}. Правда, такого рода мнения и предложения гласности не предавались.

Председатели плановых комиссий на местах обосновывали предложение формировать совнархозы в крупных регионах, охватывающих территорию нескольких областей. Секретари

же обкомов, кроме, пожалуй, Иркутского и Львовского, выступали за то, чтобы каждая область имела свой совнархоз. Это и понятно. Если область становилась центром руководства не только сельским хозяйством и местной, то есть мелкой промышленностью, но промышленностью средней и даже крупной, а также всем строительством, то первый секретарь обкома приобретал решающий голос при решении любого вопроса, касающегося всех сфер идейно-политической, культурной и социально-экономической жизни на данной территории, то есть превращался в своего рода феодала. Вот почему они так рьяно поддерживали предложение Хрущева. А так как им принадлежало большинство в ЦК, они могли бы заблокировать там любые другие инициативы, исходящие от управленцев-хозяйственников. Их точка зрения, безусловно, заставила и самого первого секретаря ЦК КПСС скорректировать свое первоначальное мнение о создании совнархозов на основе укрупненных административно-экономических районов.

Решимость втиснуть совнархозы в рамки уже существующих административных границ была настолько сильной, что поступали порой вопреки очевидной целесообразности. Если их образование на Сахалине, Колыме и Камчатке еще как-то можно было оправдать изолированностью этих малонаселенных территорий, то что можно было сказать в пользу совнархоза в Амурской области, не обладающей почти никакой промышленностью и представляющей собой нечто вроде анклава между северной частью Хабаровского края и границей с Китаем. Не менее показателен другой пример – отношения между городом Москвой и Московской областью. И в горкоме, и обкоме партии неоднократно обсуждался вопрос о том, стоит ли создавать единый для города и области совнархоз. Первый секретарь МК КПСС И.В. Капитонов, выступая против, ссылаясь на чрезмерно большой объем выпускаемой в городе и области продукции (70 и 54 млрд. руб. соответственно):

– Если объединить, то управление будет очень сложным. Касаясь же высказываемой некоторыми озабоченности насчет того, как бы не пострадала очень тесная экономическая связь между городом и областью, он, признавая ее правильной, тем не менее заверял, что, и имея два отдельных совнархоза, можно будет «обеспечить четкую работу в смысле кооперирования, координации в работе этих совнархозов». Правда, не очень-то полагаясь на то, что такого рода аргумент способен развеять сомнения, не исключал, что «в будущем, когда... будет накоплен определенный опыт руководства хозяйством, можно будет вернуться к рассмотрению этого вопроса»{873}. Признавал задним числом, что «есть много доказательств за то, чтобы был объединенный совнархоз», и возглавивший городской совнархоз К.Д. Петухов. Как и Капитонов, он вопрос о целесообразности объединения откладывал на будущее, «когда все будет налажено», но в то же время приоткрывал завесу над тем, почему осложнилась бы работа, если бы это было сделано сейчас:

– Объединение двух совнархозов потребовало бы изменения структуры партийного руководства, так как Мосгорсовнархоз тесно связан с городским комитетом партии, а предприятия, расположенные в области, должны быть связаны с областным комитетом партии{874}.

Вот где была «зарыта собака». Ведь партия была ядром всей советской системы, а ее аппарат – стовым хребтом. Чтобы формировать совнархозы по экономико-географическим регионам, надо было проводить новую реорганизацию административно-территориального деления страны. Предпочли же поступить наоборот.

Лишь в самом конце «всенародного обсуждения», 4 мая в «Правде» решили опубликовать выступление в защиту министерств со стороны академика П.Я. Капицы. Ссылаясь на опыт Запада, где как раз тяжелая промышленность организована в виде крупных централизованных предприятий, которые именно поэтому добились заметных успехов (например, при решении технико-экономических проблем в принадлежащих им лабораториях), да и наших министерств, он делал такой вывод: «Не следует скрывать от себя, что при районировании промышленности эти преимущества в значительной степени будут потеряны»{875}.

Итоги этого «всенародного обсуждения» можно в какой-то мере откорректировать с помощью исследования тогдашних общественных настроений, проведенного в МПУ.

Отнеслись положительно к этой реформе 14% опрошенных в 1998 г. и 11,5% опрошенных в 1999 г.

Офицер из ближнего Подмосковья В.Я. Самойлов в подобной децентрализации видел не

только экономическую целесообразность, но и военно-стратегическую: «В условиях реальной угрозы развязывания ядерной войны поражение Москвы двумя-тремя ядерными боеприпасами большой мощности означало бы конец централизованного управления производственным потенциалом государства. Многие офицеры в звене рота – батальон – полк (доморощенные стратеги и я в том числе) именно так и понимали образование совнархозов как пунктов управления производством на случай войны. В войсках распространялись слухи о подземном убежище для центрального правительства в районе Куйбышева и о строительстве таких же убежищ в Казани, Свердловске, Кемерово и Красноярске... Одновременно Хрущев решал и еще одну задачу – без забот и хлопот удалить из Москвы неугодных ему сталинских министров». «Была возможность разобраться с проблемами на местах», – верила сотрудница НИИ искусственного шелка А.И. Коншина. Соглашался, что эта мера необходима, студент МВТУ Е.В. Шишков{876}. «Образование совнархозов было в интересах правительства, а значит и народа», – рассуждала В.Г. Левина из военного гарнизона Остафьево в Подмоскowie. Из принципа: «Жираф большой, ему видней», – исходила инженер-строитель из Лыткарина Л.И. Олейник{877}.

Не верили в полезность реформы, не понимали ее необходимости, посчитали непродуманной соответственно 9 и 20% опрошенных.

«Считали, что это регресс, что все изменится к худшему», – сообщал рабочий завода № 17 в Подольске А.Д. Арвачев{878}. «Самой настоящей чехардой в экономике» назвал ликвидацию министерств юрист из Тюменской области И.Н. Шаров{879}.

«Ослабляло центральную власть» и потому не нравилось это технику станкостроительного завода «Красный пролетарий» в Москве В.В. Токареву{880}.

«Совнархозы – это чушь, они были лишним звеном», – утверждает Д.И. Авдеев, сотрудник НИИ стекла в Москве{881}. Разделяла опасения, что нарушатся отлаженные связи между предприятиями, библиотечарша из Астрахани А.М. Вавилова. По мнению инженера Московского нефтеперерабатывающего завода в Капотне А.С. Шуровой, Министерство нефтяной промышленности только-только начало более или менее работать, а теперь предстояло все заново, «не знали, к кому обращаться, запутались». Как «шаг назад по сравнению с достигнутым при Сталине» и как «первый шаг к разделению единой страны на части» расценил реформу выпускник одной из харьковских военных академий Е.Д. Монюшко, распределенный на работу в Москву, на автомобильный завод им. Сталина{882}. «Безобразий стало больше», – задним числом судит учительница Н.Ф. Иванова из поселка Онуфриево в Истринском районе{883}. «Крестьяне считали, что это ошибка», – утверждает зоотехник И.А. Емашов из совхоза «Лермонтовский» в Пензенской области{884}.

Не понимали смысла, не видели разницы 4% опрошенных в 1998 г.

«Было одно ведомство, стало другое», – говорил М.Я. Шепелев, снабженец с завода «Красный пролетарий» в Москве{885}. Не понимали смысла реорганизации, не видели разницы между министерствами и совнархозами, а просто воспринимали это как должное, по словам работницы Московской вышивальной фабрики М.Я. Расторгуевой{886}. «Зачем это было сделано, мы не понимали, да и не стремились разобраться», – вспоминал А.А. Налимов из Ивантеевки, работавший на одном из заводов в Москве, в Сокольниках{887}. «От перестановки слагаемых сумма не меняется», – говорил военный инженер из Красноярска-26 П.А. Писарев. «Хрен редьки не слаще», – поговаривал курсант Чкаловского авиационного летного училища В.С. Безбородое. «Перевешивание порток на новый гвоздок!» – еще хлеще выражалась учительница М.М. Крылова из деревни Ключевая в Калининской области{888}.

Двойственно, неоднозначно отнеслись к реформе соответственно 2 и 2,5% опрошенных.

Своего мнения не имели, остались безразличными соответственно 19,5 и 24% опрошенных.

«Эта тема не представляла интереса» для А.П. Петровой, технолога предприятия п/я 429 в Москве{889}. Не очень затронула реорганизация К.Н. Глухову, диспетчера на одном из московских заводов{890}. Не волновало это К.Г. Кудрявцеву, работницу завода оптического стекла в подмосковном Лыткарине{891}. Никаких эмоций не было у О.В. Фоменковой, работницы Дрезненской фаянсовой фабрики{892}.

«Простому человеку трудно разобраться и понять такое решение», – говорила медсестра

из железнодорожной больницы в Коломне Т.Ф. Ремезова. Не задумывалась над этим работница керамического комбината в Железнодорожном Е.А. Клименкова. Не интересовала эта реорганизация военного техника Н.Е. Чепралова из поселка Насосный в Азербайджане и рабочую Раменского текстильного комбината «Красное знамя» Т.П. Евсееву. Не очень интересовала она и А.А. Чуркина, строителя из Новосибирска. Не коснулась она и рабочей 1-го часового завода О.Н. Гуськовой, занимавшую, по ее словам, «отнюдь не руководящую должность», и рабочего завода № 30 С.С. Глазунова, который тоже «участия в управлении не принимал», и лаборантки завода «Электросталь» Л.И. Есиповой, и рабочей Ногинского завода топливной аппаратуры М.В. Есиной, и многих других респондентов. Не придавала ей внимания техник завода № 500 М.С. Севастьянова. «Эти изменения затронули лишь начальство», – подмечала рабочая Клинской лыжной фабрики Л.Я. Титова{893}.

Не знали о реформе, не слышали о ней соответственно 7 и 2,5% опрошенных.

Не знала доярка Т.Ю. Пшеницына из совхоза «Коробовский» в Шатурском районе{894}. Утверждает, что не слышала рабочая Московского электростанции им. Куйбышева Л.П. Агеева, кстати, член КПСС{895}. «В то время не работала и не следила за событиями» учительница Е.А. Петрова из поселка Осинки в Куйбышевской области{896}. Ничего не слышали о реформе не только работница Перхушковской больницы в Подмоскovie Е.И. Сиротина, но и ее брат, рабочий завода № 23 в Филях Н.И. Сиротинин{897}.

Затруднились с ответом соответственно 3 и 10% опрошенных.

Не помнят или помнят плохо соответственно 8,5 и почти 14% опрошенных.

Понятно, почему не может вспомнить о ликвидации промышленных и строительных министерств колхозница А.А. Комарова из деревни Захарово Малоярославецкого района: «Наверно не слышала», ибо ее это никак не касалось. Труднее объяснить, почему не запомнила это фельдшерица А.М. Глушкова, работавшая в Министерстве легкой промышленности, которое подлежало ликвидации{898}.

Нет ответа или он не поддается толкованию еще у соответственно 21 и почти 13% опрошенных.

«Никаких изменений не было», – говорил шофер автобазы Центросоюза Н.В. Рыков. «Все развалили и ничего не создали», – задним числом судила рабочая Московской хлопчатобумажной фабрики им. Фрунзе Ф.С. Никитина. По мнению М.Т. Широковой с Реутовской хлопкопрядильной фабрики, «это ничего не дало, просто поменялось название»{899}. И таких высказываний, когда оценка 1957 г. подменяется оценкой гораздо более поздней, – масса.

Итак, несмотря на широкую «дискуссию», большинство населения не проявило интереса к проблеме «совершенствования управления промышленностью и строительством» и отнеслось к ней равнодушно, или так, что она не осталась у них в памяти, они затрудняются с ответом или вовсе не отвечают на вопрос. Определенную заинтересованность проявило явное меньшинство, причем в нем преобладали те, кто не проявил доверчивости к предлагавшимся Хрущевым радикальным изменениям в системе управления промышленностью и строительством.

Да, противников хрущевского плана было немало. Но оппозиция оказалась бессильной перед его напористостью, подкрепленной поддержкой партийного аппарата, перед его изворотливостью и хитростью, способностью внести раздор в стан своих потенциальных противников. Так, он вначале обещал оставить 6 министерств, обеспечивающих нужды военно-промышленного комплекса.

7-11 мая состоялась сессия Верховного Совета СССР. На ней по докладу Хрущева был принят закон «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» и внесены изменения в Конституцию СССР, зафиксировавшие изменения в управленческих структурах. Перестройка заключалась в ликвидации 25 отраслевых министерств и в создании на местах советов народного хозяйства (совнархозов). Их председатели формально назначались правительствами союзных республик (после соответствующего решения ЦК КПСС), но так как входили в бюро региональных парткомов, то на деле больше подчинялись первым секретарям этих парткомов. На сессии раздавались голоса в пользу того, чтобы расширить права и директоров предприятий. Но предложение это показалось чрезмерно радикальным и отклика не нашло. Сохранены были (но об этом не

сообщалось в печати) только те министерства (авиационной, оборонной, радиотехнической и судостроительной промышленности, а также среднего машиностроения) и ведомства (Специальный комитет по реактивной технике и Главатом), которые обслуживали нужды вооруженных сил{900}.

Сразу же после окончания сессии Верховного Совета собрался президиум Совета министров СССР, чтобы обсудить, как приступить к реализации только что принятого закона. И тут выяснилось, что никто этого не знает, что никаких предложений подготовлено не было. Один лишь А.Н. Косыгин представил проект ликвидации аппарата министерств, им курируемых{901}.

Между тем перестановки в правительстве, начавшиеся в связи с ликвидацией отраслевых министерств, стали принимать непонятный для некоторых членов коллективного руководства, а потому подозрительный характер. Из 12 членов президиума Совета министров 4 представляли Госплан (его новый председатель И.И. Кузьмин, его первый заместитель А.Н. Косыгин, а также заместители М.В. Хруничев и В.В. Мацкевич, отвечавшие соответственно за промышленность и сельское хозяйство) и были связаны, как отмечал Молотов, корпоративной дисциплиной{902}. И поэтому перед ним, а также перед Маленковым, Кагановичем и Первухиным вполне реальной могла встать перспектива лишиться того круга дел, которые они до сих пор курировали в качестве заместителей главы правительства.

На заседании Президиума ЦК 31 мая 1957 г. обсуждался представленный Молотовым проект положения о возглавляемом им министерстве государственного контроля. Было признано необходимым поручить Молотову переработать его предложения с учетом высказанных во время обмена мнениями замечаний{903}. А замечания эти были довольно критическими. Брежнев, например, сказал:

– После декабрьского и февральского пленумов ЦК некоторые члены ЦК и другие партийные работники в беседах высказывали мнения о нецелесообразности иметь Госконтроль в таком виде и с такими функциями, которые он выполняет.

– Нам в ЦК неизвестно, с кем вы ведете разговоры, – неожиданно вскочил и чуть ли не взревел Маленков. – Доложите нам, с кем вы ведете подобные разговоры.

«Казалось бы по пустяку, – рассказывал месяц спустя Аристов. – Раньше этого за Маленковым не замечалось». Но навряд ли это был пустяк. И Молотов, и Маленков, вполне возможно, увидели в этом определенную интригу. Но если Молотов сумел сохранить невозмутимость, то Маленков сорвался. Брежнев же продолжал:

– Такие предложения высказывали, в частности, товарищи Игнатов, Яковлев и другие. Вот есть статья Игнатова в «Правде» (от 6 мая. – Ю. А.) , в которой написано, надо ли это министерство иметь.

Один из упомянутых был первым секретарем Горьковского обкома и было известно, как к нему благоволил Хрущев. Другой после отъезда Брежнева в Москву возглавил Казахстанскую партийную организацию. И каждому было понятно, что подобные мнения в центральном партийном органе могут выражаться только с согласия первого секретаря ЦК. Это, естественно, не могло оставить безразличными ни Молотова, ни вставшего на его защиту Маленкова. Но нападать на самого Хрущева сейчас, по этому именно поводу, они, очевидно, не решились. И Маленков, почувствовав, что зарвался, затих{904}.

В том, что первые секретари республиканских и областных партийных комитетов, а они составляли большинство из 133 членов ЦК, поддержали только что проведенную реформу управления промышленностью и строительством, нет ничего удивительного. Ведь она делала их более независимыми от центра, отныне отпала необходимость кланяться у союзных министров деньги, стройматериалы и оборудование для возведения того или иного объекта: ведь председатель совнархоза теперь будет под боком, во многом завися от первого секретаря и его людей, фактически он становится одним из них, наряду со вторым секретарем и председателем облисполкома. Вот почему все региональные партийные руководители, как один, горю встали за Хрущева, когда его вскоре попытались снять, и единодушно ополчились на его противников.

Что же касается самих совнархозов, из-за которых так сильно разгорелись разногласия в высшем руководстве, то они в первые два-три года вроде бы неплохо справлялись со своей

главной обязанностью: мобилизовывали местные ресурсы и координировали деятельность расположенных в данном экономико-административном районе предприятий, направленную на выполнение плановых заданий, спускаемых, как и раньше, из центра.

Но со временем все очевиднее становилось, что прежнюю ведомственную раздробленность сменила не меньшая раздробленность, местническая. Особенно страдала связь промышленности с наукой, сосредоточенной в основном в Москве, Ленинграде и нескольких других крупных городах. Пришлось изымать научно-исследовательские институты и конструкторские бюро из ведения совнархозов и создавать государственные комитеты по отдельным отраслям науки и техники. Однако и этого оказалось недостаточно. Стали укрупнять экономико-административные районы и совнархозы. В результате их число сократилось со 105 до 47. А после того как в 1964 г. был отправлен в отставку Хрущев, приказало долго жить и его детище. Эксперимент с совнархозами был признан неудавшимся.